

Анна ЯБЛОНСКАЯ ДЕВОЧКА С ПУШИНКОЙ

ХРОНИКА ОДНОГО ВОСПОМИНАНИЯ

Мы жили на первом этаже пятиэтажного дома. Окна выходили прямо в парк, который казался лесом. В просвете между деревьями торчал желтый бок школы, где я должна была учиться. Вся моя последующая судьба и любые ее маневры были сосредоточены в этом куске камня. Я смотрела на него издали, вцепившись в поручень балкона: мне исполнится шесть и придется войти внутрь — ничего не попишешь.

Я до сих пор думаю, что если бы мы не переехали в другой район и я не пошла в другую школу, жизнь могла бы сложиться иначе. Я не знаю, как. Но знаю, что иначе. География, видимо, тесно связана с психофизикой и хиромантией. Но эти связи ускользнули от меня в коридорах розово-синей школы. Возможно, в желтой они бы открылись мне. Хотя — не факт.

Трещины, которые иногда дает пространство, разъедаются временем, и бог знает по каким причинам мы снова возвращаемся к исходной точке. Теперь уже трудно сказать, что привело меня к этому месту, и я даже не сразу узнала его, но ноги как-то обмякли, и глаз, зацепившись за желтый угол, вернул меня в тот самый миг, когда стоя на цыпочках, я глядела с балкона первого этажа в эту бетонную стену, совершенно уверенная в том, что мой дальнейший жизненный путь целиком зависит от сероватых бугорков на ее поверхности. Прошло двадцать лет (такие цифры страшно произносить вслух), а здесь ничего не изменилось. Вокруг растет трава, точно такая же, как и тем летом. На черных колесах, вкопанных в землю, сидят озабоченные матери, наблюдая, как на площадке их дети играют в мяч (у меня был такой же — коричневого с бурыми прожилками). Я, как и они, сижу на колесах и разглядываю желтый угол.

Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу. Оглянувшись, я увидела, по крайней мере, пять одинаковых домов, каждый из которых мог быть моим домом. Я не могла поверить, что забыла. Но я забыла. Все балконы на первых этажах казались абсолютно идентичными. Они выходили в парк, хотя это трудно назвать парком, — так, может, с десяток каштанов... Я все-ррез засомневалась: возможно, это другое место? другой парк? другая школа? где я?!

Вспомнился потрепанный зеленатый томик Лемма, купленный в "Старой книге"... Там был рассказ о родной планете, которая только притворялась твоей родной планетой. Ты сразу почувствовал неладное: на аэродроме тебя встречали жена и дети — в тех же легких платьях, в которых ты их видел в последний раз, и погода стояла такая же теплая, как во время отлета, хотя по всем подсчетам здесь давно началась зима... И у твоей дочери на губе трепыхалась тополиная пушинка, и когда ты попытался убрать ее, то не смог — девочка закричала, словно ее рвут на куски, потому что пушинка была частью девочки, которая, скорее всего, вовсе не была девочкой, а была каким-то ужасным чудовищем, умеющим копировать и воспроизводить твои воспоминания...

Мне ужасно захотелось уйти отсюда, но я не могла. Я подумала, что реальность нужно вышибать реальностью. Нельзя сидеть сложа руки. Необходимо предпринять какие-нибудь простые человеческие действия, которые вернут меня... Куда-нибудь вернуть.

Например, выпить. Или чего-нибудь съесть.

В ларьке неподалеку стоял тяжелый дух. Еще с утра продавщица разбила бутылку дешевого крас-

ного вина. Она сразу же все вымыла и убрала осколки, но запах влезел в стены, прилавок, руки... Сколько они ни проветривали (вдвоем со сторожем Сашей), ничего не помогало... Этот запах отбил у меня всякую охоту пить алкоголь. Я купила лимонад, чипсы и вернулась к желтому углу.

Ничего не изменилось. Я пила едкий газированный напиток и понимала, что ничего не меняется. На крыльце стояла бабушка-вахтерша, которой велено было не пускать детей в школу после окончания занятий, и бабушка стояла грудью, но школу никто не штурмовал, и она томилась, не имея никакой возможности применить свой героизм на практике. Мы посмотрели друг на друга долгим взглядом. Она пыталась понять, пойду ли я в атаку, а я — я не знаю, что я пыталась понять.

Я снова села на колесо у детской площадки. К малышам, которые играли в "съедобное-несъедобное", все время залетал клетчатый футбольный мяч с соседней поляны, где подростки только начали матч. В очередной раз девочка лет шести в розовом платьице не выдержала и громко крикнула футболистам: "Это у вас не футбол! Это какое-то метание гранаты!". Видно было, что она очень гордится знанием этого словосочетания — "метание гранаты".

Я сделала еще один глоток лимонада и раскрыла пакет с чипсами. Есть их было нельзя. Они имели вкус пересоленного одиночества. Я стала читать "состав продукта" на упаковке. Среди спирта, сои, ароматизаторов и красителей я, наконец, нашла ответ на свой вопрос. E551.

E551 — это добавка, препятствующая слеживанию и комкованию. Слеживанию и комкованию — так и было написано на пакете. Просто, как откровение.

Если бы на людях писался их состав, я обязательно выбирала бы себе таких друзей, в которых входит эта добавка, препятствующая слеживанию и комкованию, — которые могут долго храниться, легко транспортироваться, не думать о прошлом и с надеждой смотреть вперед. Они бы поделились со мной этим чудом, и я больше нигде не стала бы приходить сюда — к желтому углу, к черным колесам, к зеленой траве, к серой площадке. Я все равно уже не вспомню дом и балкон, с которого глядела в свое будущее, еще не зная о переезде, не зная, что вместо желтой — мне уготована розово-синяя школа, не зная, что очутившись в новом районе, я буду ужасно скучать по Шуре — девочке в зеленом берете — и по Вове — толстым мальчишке, который все время ел вишни и плевался косточками... Это, видимо, из-за них мне будет так грустно первые несколько лет после переезда, из-за них я начну кропать какие-то стихи и решу, что если тебе одиноко, то значит ты — писатель или поэт, или кто-то там одухотворенный. Даже собакам бывает одиноко. Все эти неверные выводы человек делает оттого, что в него забыли добавить вещество, препятствующее слеживанию и комкованию. В меня, видимо, забыли.

Даже если я вспомню балкон. В этой крошечной однокомнатной квартире хрущевского дома живут люди, которые ничего не знают о моей рефлексии и точно не пустят меня на свой балкон — снова поглядеть на желтый бок школы. Какой тогда смысл в подобных переживаниях?

Я поднялась и прошла мимо крыльца, беззвучно попрощавшись с бабушкой-вахтершей. Уходя, я бросила в урну пустую бутылку из-под лимонада и почти полный пакет пересоленных чипсов.

Я постараюсь больше не приходить сюда.

В 1980-е он сотрудничал с отечественным Фондом мира, которому дарил свои работы.

Его итальянские блокноты полны пейзажными зарисовками. Для сравнения: московские испещрены лицами. Всю свою жизнь Мануэль Шац занимался графикой и был замечательным рисовальщиком. Он пытался постичь господствующую эстетику, разгадать стилистическую доминанту того или иного десятилетия — это задавало своеобразный ритм его творческому развитию. Поэтому и графика тоже характеризует его как настоя-

щую творческую индивидуальность. И показывает, насколько же важен был, пусть даже и неосознанно, для него "формальный поиск".

Можно предположить, что Мануэль Шац не желал оставить своего лица в искусстве — не в автопортретах, — а предпочитая лица своих моделей, встретившихся случайно или сопровождавших его на протяжении лет. Даже в старости, к концу 1990-х (он умер в Москве в 1999 году), его рука, дрожащая, когда он ставил подпись или писал письмо, оставалась тверда в рисунке — часто в эту

пору "матиссовском", когда всего несколько непрерывных линий создают облик модели.

Как и все его сверстники, он проводил в небытие одну за другой несколько исторических эпох. Но в отличие от сверстников, Мануэль Шац проживал свою творческую жизнь вместе с каждой эпохой, и его судьба может быть определена как бытие внутри стиля и вместе со стилем (при отсутствии элигивности), и в почти автономной независимости от самого себя. Среди художников с настоящим, большим талантом, такая судьба — редкость.